

Н. Долинина

Старики

Ничто не может изменить спокойной, деятельной и размеренной жизни старого княжеского дома в Лысых Горах. «Те же часы, и по аллеям прогулки... Станок...» И, как всегда, рано утром величественный маленький старик в «бархатной шубке с собольим воротником и такой же шапке» выходит гулять по свежему снегу.

Он стар, князь Болконский, он заслужил этот покой, эту расчисленную, им самим составленную жизнь. Но не нужно думать, что старики только и мечтают о покое. Разные бывают старики, как разные молодые; и кто знает, о чем думает Николай Андреевич, читая ежедневные письма сына, не рвется ли он всем сердцем туда, на австрийские поля, не вспоминает ли великого Суворова, не мечтает ли о своем Тулоне, — он стар, но он жив и полон душевных сил.

Душевных, но не физических. Приходится смиряться с тем, что не можешь легко, как прежде, вскочить на коня и скакать под пулями наперерез врагу. Приходится смиряться с тем, что мысль работает не так быстро, как раньше, и убывают силы, и нет тебе места там, где прежде без тебя казалось невозможно...

Он потому и труден, этот старик, что не может — как ни старается — примириться со своей беспомощностью. Но, сколько есть сил, он будет полезен. России — вот его записки, в них его опыт, его ум, его знания. Сыну — он все знает о войне, куда ушел сын; он еще может дать совет, оградить и подсказать, и направить. Дочери — как сложится ее судьба; ведь, к несчастью, все они выходят замуж, и ее не минует, но он не отдаст дочь первому светскому шаркуну; он на страже — и сам себе не признается никогда, что никому не хочет отдать дочь, что не может представить без нее своей стариковской, наполненной полезными делами, но одинокой жизни.

Давно, когда он был молод, силен и деятелен, среди многих радостей, заполнявших его жизнь, были дети: Андрюша и Маша для матери; уже тогда — князь Андрей и княжна Марья для него. Они были маленькие и принадлежали ему; он воспитывал их, как понимал; хотел вырастить сына умным, благородным, счастливым, а девочку — не такой, как светские барышни, — прекрасной женщиной, может быть, он мечтал о такой женщине и не встретил ее, и в дочери хочет видеть ее черты.

Сын вырос красивым, умным и честным, но это не сделало его счастливым. Он ушел в непонятную жизнь с неприятной женщиной — что остается отцу? Пытаться понять сына и заботиться о его жене; но не так все это мечталось когда-то, когда он был молод, здоров и силен.

Дочь выросла некрасивая! Никто не понимает, как это больно старику; потому он и может ударить княжну Марью по самому уязвимому: «уродовать себя нечего — и так дурна»; ему самому больно, разве они могут понять это!

Будь дочь красива, кто-то полюбил бы ее, а теперь... посватаются, найдут и в Лысых Горах, но найдут не дочь, а его богатство, его знатный род — и вот уже едут, а она ждет, волнуется; это оскорбляет и ранит старика. Вот почему он не в духе с утра в тот день, когда должен приехать князь Василий с сыном. Вот почему, услышав, что Алпатыч приказал расчистить для них дорожку, приходит в бешенство:

«Что? Министр? Какой министр? Кто велел? — заговорил он своим пронзительно-жестким голосом. — Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нет министров!»

Ему стыдно, что он поднял палку на старого Алпатыча, в глубине души он рад, что Алпатыч уклонился от удара, но все продолжает кричать: «Прохвосты!.. закидать

дорогу!» — потому что он, этот властный человек, в отчаянии от своей беспомощности перед той ненавистной силой, которая врывается в его жизнь.

Он все знает, старый князь Болконский, но вряд ли он знает о том, что почти ровесник его князь Василий Курагин тоже плохо спит ночами и болеет душой за своих детей, что он тоже думает, мучается, тоскует и не знает, как помочь, направить, как уберечь; только для него в понятии счастья иной смысл, чем для князя Болконского.

Не знает Николай Андреевич, как много сил стоила князю Василию пышная свадьба дочери Элен — нынешней графини Безуховой; как, бросив все дела, он опекал и направлял непутевого Пьера, пристроил его в камер-юнкеры, поселил в своем доме, и когда неблагородный Пьер так и не сделал предложения, князь Василий опять взвалил все на свои плечи, решительно благословил Пьера и Элен, хотя они не спрашивали благословения.

Элен пристроена. Ипполит, слава богу, в дипломатах, в Австрии — вне опасности; но остается младший, Анатолий, с его беспутствами, долгами, пьянством; возникла мысль женить его на княжне Болконской — лучшего и желать нельзя, но удастся ли, ведь старик Болконский крутенец и любит дочь. А чем плох Анатолий — красавец и хорошей фамилии...

Так встречаются два старика, страшась друг друга. Очень разные люди, потому что старость — естественное завершение длинной человеческой жизни; для обоих она полна сожалений об ушедшей молодости, но один накопил к старости мудрость и душевный опыт, другой растратил все — осталась одна суетность: влияние в свете, деньги, заботы, унижения — вот и поездка эта грозит унижительным отказом, но надо ехать, суетиться и притворяться...

А в доме Болконских — волнение: приехал красивый молодой мужчина. Княгиня Лиза приделась, и мамзель Бурьен прибавила какую-то ленточку к своему наряду, и обе они от чистого сердца хотят принарядить княжну Марью, но бедняжка так нехороша!

Это-то старый князь понимает. Он все увидел: платье Лизы, ленточку Бурьен и, главное, «одиночество своей княжны в общем разговоре».

Он растил дочь, он ее учил и воспитывал; он хотел сделать ее умной, образованной — потому так и сердился, когда она не понимала геометрии. И он любит ее, видит за этим некрасивым лицом ее доброту и благородство; он-то знает, как бывают прекрасны ее лучистые глаза, — кто достоин этой души, этих глаз? Что они, эти, могут видеть в его княжне? Богатую дурнушку? Эта мысль нестерпима.

Всегда отцу тяжело отдавать дочь — тяжелей, чем матери. Мать вспоминает свою молодость и как бы заново переживает ее; отец видит только свою потерю — уходит, уходит дочь к чужому и всегда неприятному мужчине. Даже в хорошем юноше находятся неоспоримые недостатки. Но этот!

«— Что ж, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время военное. Такому молодцу служить надо, служить надо. Что ж, во фронте?»

— Нет, князь. Полк наш выступил. А я числюсь. При чем я числюсь, папа? — обратился Анатолий со смехом к отцу.

— Славно служит, славно. При чем я числюсь! Ха-ха-ха! — засмеялся князь Николай Андреевич».

И ведь нельзя выгнать! Прямо сказать: уезжайте, скатертью дорога, позвать Алпатыча, приказать снова расчистить нарочно закиданный снегом «прешпект» — пусть катят восвояси дорогие гости... Нужно сдерживаться, говорить с князем Василием: «Что ж ты думаешь... что я ее держу, не могу расстаться? Вообразят себе!.. Мне хоть завтра!» Нужно звать дочь и объявлять ей о предложении — а она еще и согласиться может, ведь гордости у нее нет: «первый встречный показался — и отец и все забыто, и бежит, кверху чешется и хвостом винтит, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца!»

«Бедная княжна Марья! – думаем мы в молодости. – Как он ее мучит, злой старик!» И никто не подумает: «Бедный старик! Каково ему все понимать и видеть, что дочь готова полюбить этого Анатоля, уже мечтает о нем и надеется быть счастливой — с н и м?!»

Да, отец на страже, и он пускает в ход любое оружие.

«— И прекрасно! – закричал он. – Он тебя возьмет с приданым да кстати захватит mademoiselle Bourienne. Та будет женой, а ты...

Князь остановился. Он заметил впечатление, произведенное этими словами на дочь. Она опустила голову и собиралась плакать.

— Ну, ну, шучу, шучу, – сказал он. – Помни одно, княжна: я держусь тех правил, что девица имеет полное право выбирать. И даю тебе свободу. Помни одно: от твоего решения зависит счастье жизни твоей. Обо мне нечего говорить».

Он переламывает себя, свой властный нрав, подчиняясь им же избранным правилам, но как тяжело это ему, как он уязвим в своей любви к дочери!

На этот раз пронесло. Опасность миновала. Князь Николай Андреевич не знает, что заставило дочь отказать Анатолю. Ему неизвестно, что его намек на Бурьен получил подтверждение, княжна Марья своими глазами видела, как в зимнем саду Анатолю обнимал Бурьен, и уж никак он не может себе представить, какое романтическое здание воздвигнет в своем воображении его дочь: «Чего бы мне это ни стоило, я сделаю счастье бедной Amelie. Она так страстно его любит. Она так страстно раскаивается. Я все сделаю, чтоб устроить ее брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою...»

Если бы князь Николай Андреевич знал, о чем думает княжна Марья, отказывая жениху, он закричал бы: «Вздор! Все вздор!» — и был бы прав.

Но хотя он не знает мыслей дочери, главное он понял: девочка выросла, стала богатой невестой; он научил ее геометрии, воспитал доброй и благородной, но от этого ей только труднее будет жить. Что она знает о людях, что понимает в жизни? Он, со своим стремлением сделать детей правдивыми и честными, он сам воспитал Андрея безоружным против княгини Лизы, а Марью — против князя Василия. Сегодня он жив и уберет дочь, а завтра? А если его уж не будет, когда приедет свататься еще один Анатолю?

И вновь оживший, усиливающийся страх за дочь охватит князя. Теперь он не оставит его никогда, до смерти, потому что хуже всего, страшнее всего — сознание, что уже ничем не можешь помочь тем, кого любишь, что ты — какой ни веди размеренный образ жизни — стар и бессилён.